

АНДРЕЙ КОЗЫРЕВ

РАСШИФРОВЫВАЯ СНЕГ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Андрей Козырев
Расшифровывая снег.
Стихотворения и поэмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24861131
ISBN 9785448544934

Аннотация

«Расшифровывая снег» – сборник избранных стихотворений и поэм члена Союза писателей Москвы Андрея Козырева. Поэт предлагает читателю расшифровать знаки, которых полна окружающая действительность.

Содержание

Золотой песок	6
Золотой песок	6
Город	8
Москва	11
Девяностые	13
«Любой, кто засыпает, одинок...»	15
Воробьиная ода	17
Запретный город	19
Колыбельная	21
Мой несбывшийся храм	24
Один в комнате	25
Вечерний космос	29
Русское небо	30
Хмельная славянская речь	30
Почва и судьба	31
Призыв к топору	33
Село	34
Осень мира	36
Отечество снега	38
Степь	40
Моя Сибириада	41
Степной псалом	43
Сибирская судьба	43

Песня	45
Вкус земляники	47
Осень в Великой степи	48
Степной гимн	49
Город Сон	51
«Город Сон над рекой Тишиной ...»	51
Вокзал	53
Бесприданница	55
Трамвай в рай	57
Сказка старого города	59
Ветер и волна	61
Сад Врубеля	63
Расшифровывая снег	65
Пейзаж такой обычный	67
Город, город...	68
Сибирский ковчег	70
...Post skriptum	72
Листая память	74
«Я листал, словно старый альбом...»	74
К вопросу о происхождении человека	76
Аввакуму	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Расшифровывая снег Стихотворения и поэмы

Андрей Козырев

© Андрей Козырев, 2017

ISBN 978-5-4485-4493-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Золотой песок

Я стоял, одиноком, озирая сухие равнины...
Фридрих Гёльдерлин

Золотой песок

Мне вверен труд, пока не грянет срок, —
Я промываю время, как песок,

Просеиваю в строчках прах веков,
Взметнувшийся из-под чужих подков,

Ищу, свищу, взыскую, ворожу
И золотой осадок нахожу.

В нём быть хрустит, как золотая пыль —
Погоня, плен, серебряный ковыль,

Хазарский свист, столетий звездопад
И облаков кочующий Царьград,

И сплётшиеся замертво тела,
И двух людей пронзившая стрела —

Меня – с певцом, что в том, былом веку
Гремел струнами «Слова о Полку»...

И, мучаясь, тоскуя и любя,
Из древних стрел я выплавил себя.

Я выплавил из сабель свой напев,
Что лишь окрепнет, в душах отзвенев.

И пусть течёт сквозь веки и века
Моя строка, как Млечная река,

Как трубы птиц над Сулой и Двиной,
Как лисий порск, как древний волчий вой —

И не найдёт вовек в пути преград
Небесных туч кочующий Царьград!

Город

*Омску – отцу, другу и брату
в канун трёхсотого дня рождения
в полную собственность
предназначается*

Город смутный, город Достоевский,
Плеть Петра да посвист Ермака...
Брат, наследник, сын столицы Невской,
Ты не изменился за века.

Здесь лежит Великий путь – к востоку.
Здесь лишь ясно, как земля кругла.
Здесь земные отбывали сроки
Те, кого Москва не приняла:

Казаки, острожники, поэты —
Вечные изгнанники страны...
Здесь столица возвышалась летом,
Осенью – пылал пожар войны.

Власть меняла лики и названия,
Только суть во все века одна —
Холод, вьюги, каторжные бани,
Плеть, шипы, острожная стена.

Крепость. Пушки. Мрак – сильней сияний.
Старая церквушка. Вечный Бог.
И над белизной старинных зданий
Небосвод, как обморок, глубок.

Ни войны, ни мира, ни покоя...
Тёмные дома. Глаза огней.
Вьётся снег над черною рекою,
Вьётся дым над родиной моей.

А в минуты ясности короткой
Вижу я, как сквозь глубокий сон:
Спорят в небе Змий и Агнец кроткий,
Спорят в небе Лев и Скорпион.

На пути Сибирском, как на нерве,
Город обречен веками жить...
Здесь Ермак ещё раз тонет – в небе:
Небосвод в доспехах не проплыть.

А когда в степных просторах дальних
Гром грохочет, всех смертей грозней —
То бросок костей, костей игральных,
Ставка же – судьба земли моей!

Для игры священной опустели
Шахматные клетки площадей,
Клетки, на которые летели
Головы проигранных людей...

...Много есть дорог на белом свете,
Много предстоит мне повидать,
Много городов развеет ветер,
Так, что и следов не отыскать,

Но о том, что видел в колыбели,
Вечно помню – с болью и трудом:
Достоевский. Белые метели.
Чёрная река и Мертвый дом.

Москва

*Третий Рим – гениальный юродивый —
Расправляет лохматые волосы.*

Илья Тюрин

Третий Рим, второй Ершалаим —
Сколько прозвищ мы тебе дарили?
Мы торгуем, строимся, горим —
Вечен ты в своей лукавой силе.

Над тщетой опальных наших дней,
Где мелькает злоба дня пустая,
Вновь Москва, как город-Назорея,
Волосы – дороги распускает —

Спутанные, в седине снегов,
Словно сеть, которой ловят небо...
Семь холмов, семь башен, семь Голгоф,
Лоб Земли, сплетенье русских нервов.

С древности, с монголов, с Калиты
Ты сбирала землю по крупицам,
Чтоб смогли все русские мечты
О твоё величие разбиться.

Слобода за слободой росли,

Ни мороз, ни враг им не был страшен,
И тянулись к небу от земли
Пальцы красные кремлёвских башен...

Прирастая гордостью своей,
Строилась ты на крови и славе —
Каменными юбками церквей,
Медными волнами православья...

Из судеб нарублены рубли...
Полон мыслей о стране распятой
Лоб, таящий мозг всея Земли,
Словно площадь Красная, покатый.

Лобные места, кресты церквей,
Автотрассы, башни, дым и грохот...
Слился с правдой – общей и моей —
Этот злой, великий, тёмный город.

Третий Рим, огромен и суров, —
Сердце, кровь гонящее без цели,
Город звона, казней и крестов,
Город плясок, гульбищ и метелей...

В нем хранится, до поры таим,
Русский путь от смерти к воскресенью —
Третий Рим, второй Ершалаим,
Город – царь и город – наважденье.

Девяностые

Юние Мориц

Девяностые, девяностые —
Дни кровавые, ночи звёздные...
Грусть отцовская, боль привычная...
Это детство моё горемычное.

Трудно тянутся годы длинные,
И разбойные, и соловьиные...
В подворотнях – пули да выстрелы,
А над грязью всей – небо чистое.

Вот и я, мальчишка отчаянный,
Непричёсанный, неприкаянный.
На глазах детей – слёзы взрослые...
Девяностые, девяностые.

Дома маются, пьют да каются —
Водка горькая, желчь безлунная...
И во мне с тех пор кровью маются
Детство старое, старость юная...

Искупают с лихвой опричники
Смертью горькою жизни подлые...
И так тесно, так непривычно мне,

И так жарко и пусто под небом.

Жить без возраста, жить без времени —
Вот судьбина какая вздорная!
Выбрал Бог да родному племени —
Душу светлую, долю чёрную.

И не взрослые, и не дети мы —
Разве мало изведаль скитаний я?
И столетьями, и столетьями —
Испытания, испытания...

Девяностые, девяностые —
Дни кровавые, ночи звездные...
Кражи, драки – под солнцем яростным...
Это детство моё – старше старости.

«Любой, кто засыпает, одинок...»

Любой, кто засыпает, одинок.

Кто б ни был рядом, ты – в отдельном мире,
Но в той вселенной есть твой городок,
В нём – тот же дом и тот же мрак в квартире.
Бывает, погружаешься во мрак,
А в нём – всё лучше, чем при свете, видно:
Грязь, неуют, за домом – лай собак,
Что скалят зубы, злятся: им обидно
На пустоту, в которой тяжело...
Но за стеной спокойно дышит мама,
Сквозь стены слышишь ты её тепло
Всем существом, своею сутью самой.
Да, ты – дитя. Но, увлеченный тьмой,
Ты постигаешь холод жизни краткой,
Вперив глазенки в тёмное трюмо
Напротив детской маленькой кровати.
Там – то ли тень, а то ль твоё лицо,
А то ли кто-то третий, страшный, страшный,
Кто время сна жестоко сжал в кольцо...
Но думать, *кто*, не важно. Нет, не важно.
...Страшилка это или анекдот,
Воспоминанье, ставшее лишь знаком?
При свете мир давно уже не тот...
Но в темноте он вечно одинаков.
Днем – жизнь, дела: не выйти за черту.

А ночью – тот же детский страх спасенья,
И тот же лай собак на пустоту,
И тот же Третий меж тобой и тенью,

И – сквозь пространство – мамино тепло...

Воробьиная ода

Дмитрию Соснову

Воробей, ты – великая птица...
Юнна Мориц

Неужели тебя мы забыли?
Для меня ты всегда всех живей —
Спутник детства, брат неба и пыли,
Друг игрищ и забав, воробей!

Ты щебечешь о небе, играя,
Неказистый комок высоты, —
Сверху – небо, внизу – пыль земная,
Между ними – лишь ветка да ты!

Как ты прыгаешь вдоль по России
На тонюсеньких веточках ног —
Серой пыли, особой стихии,
Еретик, демиург и пророк.

В оптимизме своём воробейском,
Непонятном горам и лесам,
Научился ты в щебете детском
Запрокидывать клюв к небесам.

Воробьиною кровью живее,
От мороза дрожа, словно дым,
Я, как ты, ворожу, воробею,
Не робею пред небом твоим.

И зимой, воробьясь вдохновенно,
Не заботясь, как жил и умру,
Я, как ты, воробьянка вселенной,
Замерзая, дрожу на ветру...

Но, пока ты живёшь, чудо-птица,
На глухих пустырях бытия
Воробьится, двоится, троится
Воробейная правда твоя!

Запретный город

Дмитрию Мельникову

В запретном городе моём,
В оазисе моём —
Аллеи, пальмы, водоём,
Просторный белый дом.

Туда вовеки не войдут
Ни страх, ни суета.
Там жизнь и суд, любовь и труд
Цветут в тени Креста.

Там тысячью горящих уст —
Лиловых, огневых —
Сиреневый глаголет куст
О мёртвых и живых.

Там полдень тих, там зной высок,
Там всё Господь хранит —
И прах, и пепел, и песок,
И мрамор, и гранит.

Там миллионы лет закат
Горит во весь свой пыл,
Там голубь осеняет сад

Шестёркой вещей крыл.

Дрожит в тени семи ветвей
Горящая вода,
И в дом без окон и дверей
Вхожу я без труда.

Былых истлевших дней зола
Едва шуршит во мне,
И вырастают два крыла
В груди и на спине.

Там, в одиночестве моём,
Заполненном людьми,
Звучат сияющим ручьём
Слова моей любви.

Там огненно крылат закат,
Оттуда нет пути назад...
Но где они, не знает взгляд,
Ищу их вновь и вновь —
Запретный дом, запретный сад,
Запретную любовь.

Колыбельная

Лёвушке Иванову

Лев, царевич, милый мой,
светик мой малиновый,
снежно-белую зимой
жизнь ты начал длинную.

В небе яркой солью звёзд
над путями-встречами
на десятки славных вёрст
жизнь твоя размечена.

Много в мире ты свершишь
чистого, высокого.
Белкой по стволу взбежишь,
в небо взмоешь соколом.

Ты найдёшь свой кладенец,
плуг проверишь пашнею.
Лев, царевич, удалец,
солнышко домашнее.

Ты играй, играй, играй,
мир игрой на два деля.
Твой непокорённый рай

ждёт завоевателя.

Много будет славных лет.
В их цветастом пении
ты звучишь, сиренный цвет,
как стихотворение.

Ты расти свой вертоград,
многоцветье славное.
Выше всех наград и правд —
правда детства главная.

Лев твой держит меч и щит,
свет цветёт на лбу, пока
над тобой Господь парит
шестикрылым облаком.

Ты расти, расти, расти,
ты расти без старости.
Сказки по ветру пусти,
но – без зла, без ярости.

Свет мой тихий, возрастай
хоть до неба синего.
Сном витай хоть возле стай
у моста Калинова.

Лев, царевич, светик мой,
слушай наше пение.

Подрастай, играй и пой
нам на заглядение.

В небе яркой солью звёзд
над путями-встречами
на десятки славных вёрст
жизнь твоя размечена.

Мой несбывшийся храм

Зодчим хотел бы я стать, воздвигать над землёю соборы,
Замки, палаты, дворцы, в камне полёт пробуждать,
Небо спуская на землю, землю подъявля до неба,
Слышать, как в камне полёт сотнею крыльев шумит.
Вот он стоит, мой колосс, белый покой расточая, —
Чудо ожившей земли, белый букет к небесам.
Каждая луковка стянута строгим бутонем,
Ждёт, когда чудо-цветку придёт распуститься пора.
Купола круглый зрачок отдохновенья не даст мне:
Ясности солнечный мёд льётся к нам сквозь витражи,
Божий зрачок озарил высшую точку пространства,
Небо раскрыло уста, камень стал плотью и словом —
Время семи дней Творенья в узел один собралось.
Острые арки вздыхают, тёмный свой зев отворяя,
Сомкнуты двери, как губы, долгую думу тая.
...Дай мне, небесная твердь, тоски о несбывшемся храме,
Сердце моё обостри, нервы сияньем зажги.
Вижу — мой храм возлежит, словно лев,
вольно вытянув тело,
Белый лучистый покой вокруг расширяется мерно,
Башня стоит, словно львёнок, рядом, едва улыбаясь...
Дай мне, небесная твердь, львиной повадки и мощи,
Чтобы я смог разбудить в камне уснувший полёт.

Один в комнате

Поэма сумерек

*Один человек
И одна большая муха
Сидят в гостиной...*

Из японской поэзии

1

Осенний вечер. Дом холостяка.
За окнами чуть слышно дождь бормочет.
Как мотылёк, накрытый чашей ночи,
Мой стих дрожит, впиваясь в край листка.
Слова чисты от старой шелухи.
День убегает серыми дворами.
И сумерки, стекая вниз по раме,
Неслышимо слагаются в стихи.

И комнат молчаливое тепло,
Раздвинутое сумерками жизни,
Звучит в тиши как будто с укоризной —
Ты понял, как тебе не повезло?...
Кому, зачем всё это было надо —
Преподнести мне за мои грехи

Безлюдный дом, и горечь листопада,
И тишину на дне моей строки?...

...Иголкой в стоге потерялось лето,
А осени безмерна глубина.
Растаивают в сумраке предметы,
И в чайнике дымится тишина.
Всё это было. Только было проще
Сгореть мне в сером сумрачном огне,
Где дождь осенний сухо, тихо ропщет —
Он так устал гримасничать в окне...

В тиши чуть слышно тикает будильник.
Уходят звуки чередой во тьму.
Желудок голоден, как холодильник,
И холод общий — в нём, во мне, в дому...
И пустота глядит с небес с укором.
Невзрачен жизни серый ореол.
И каменное яблоко раздора
Декоративно украшает стол.

2

Сникает, наклоняясь, у окна
Сухой букет среди сумерек бездонных,
И над часами с медным скорпионом
Пульсирует и плачет тишина,
И древний шум реликтовых морей
Из раковины, привезённой с моря,

Доносит голоса любви и горя
Иных, бессмертных, пролетевших дней...

В молчанье втрое значим каждый звук.
Мой космос расширяется – украдкой.
За гобеленом, вышитым прабабкой,
Прядёт свою вселенную паук.
Цвет, звук, предмет – ушли в страну чудес.
Мир связан, как платок, из пряжи серой.
В окно моё вторгается без меры
Космическая седина небес...

Дождь сыплется из арок небосвода.
Звучит природа, как органний зал.
Господь, изъязв поэта из природы,
Ему свои законы предписал:
Наперекор дороге вдаль идти,
Любить, творить, искать всему причины,
В сплетениях астральной паутины
Вслепую находить свои пути.

Но, сколько ни скули и ни пророчь,
Стихов разнокалиберная стая,
Страницы тонких сумерек листая,
В глазах мелькая, улетает в ночь,
А есть – лишь серость, сухость, пыль и прах,
Круги холодных сумерек над нами.
Их серое неслышимое пламя
Сжигает мир в холодных зеркалах...

Патриархальных сумерек урок
Пришёлся кстати. Для моих попыток
Познать себя ещё не минул срок.
И небеса развёрнуты, как свиток.

Путь к небесам немыслим без борьбы.
Дорога через потолок – короче.
Пусть за окошком чёрный грифель ночи
Начертит свой чертёж моей судьбы!

Придёт пора пасти свои стада —
И я пойму: учить мне было надо
Несложную науку листопада
Лететь из ниоткуда в никуда —

В те незамысловатые края,
Где вечны персонажи тихой драмы —
Пустынный дом, и дождь, прилипший к раме,
И жёлтый лист, и сумерки, и я.

Вечерний космос

Антиутопия

Погас закат над Иртышом...
Из песни

Погасли краски в оке Божьем,
Погас закат над Иртышом,
И ветры веют новой ложью
Над старой русской душой.

И над душой, и над стихией
Себя в безмерности простёр
Текучий черновик России —
Неясный облачный узор.

Сквозь тучи звёздными огнями
Сияет вознесённый ад,
И расширяется над нами
Крест четырёх координат...

Русское небо

Хмельная славянская речь

Звучит раскалённо и грубо
Хмельная славянская речь,
Что брань, как боярскую шубу,
Бросает с расправленных плеч.

Течёт жаркой кровью под кожей
Хмельная славянская речь.
Лишь ей мы, гулящие, можем
Как водкою, память прижечь.

Куражится вспаханной новью,
Землёй, что должны мы сберечь,
И пахнет солдатскою кровью
Хмельная славянская речь.

Тоской тяжелеет, как колос,
Огнём полыхает, как печь,
Истории сорванный голос —
Хмельная славянская речь.

Почва и судьба

Сколько бы птицы ни пели,
Но – всё звенит над судьбой
Русской старинной метели
Бабий космический вой.

В мае, июле, апреле
Слышу я над головой
Русской сиротской метели
Бабий космический вой.

Днем, на закате, в постели, —
Слышу, пока я живой,
Русской исконной метели
Бабий космический вой.

Слышу, как древле негромко
Пели на гусях певцы,
Слезы собирали в котомку
Пращуры, деды, отцы.

Вы, настрадавшись годами,
Отговорив, отзвенев,
Мне завещали – с трудами —
Русской метели напев.

Выпало, значит, мне дело, —
Слёзы стирая с лица,
Время вращать неумело,
Ждать векового конца,

Где различу еле-еле,
Там, над седой головой, —
Русской сиротской метели
Бабий космический вой...

Призыв к топору

Мало было нам лихого слова, —
Подавай гражданскую войну!
И топор, убивший Пугачёва,
Каши наварил на всю страну...

Накормили кашей топориной
Семью семь народов и племён —
И назад, за удалью старинной,
В вертоград невянущих знамён.

Топоры потратили на кашу —
Нечем дом поправить вековой...
Лишь топор да каша — пишша наша,
Правда, злой поросшая травой!

Думай, грезь, плыви не по течению,
Выбирай себя из века в век...
...Но пустить топор по назначению
Не желает русский человек.

Село

Село – словно родинка Родины...
Как это странно —
Всё это моё,
Это – ни потерять, ни сберечь...
Полынь да смородина,
Версты, столбы да туманы,
И чёрных ключей
Заповедная светлая речь...

Стоит над садами
Колодезный сумрак исконный.
Листва опадает,
И звёзды летят ей вослед...
Здесь в мир я вошел —
И воспринял меня на ладони
Шершавый и тёплый,
Как руки отца, белый свет...

Здесь и по ночам
Пахнет солнцем взволнованный воздух.
Здесь дети, мечтая
Испить небеса из горсти,
Уходят в леса —
Не по ягоды только, по звёзды:
Ядрёные звёзды

В ладонях домой принести!

А на сеновале
Колышется сено, как пламя,
И, как медвежонок,
Курчавый шевелится мрак,
И вечер, и вечер
Целует сухими губами,
И пахнет луной
Надо мною протяжный сквозняк...

И падают листья
В ладони садов земляные,
Играет гармошка
О чьей-то старинной любви...
И долго блуждал
Луч последней звезды по России,
Блуждал – и растаял
В моей соколиной крови.

Осень мира

Николаю Кузнецову

На небе русский месяц тает
Над рыжей пустотой полей.
Река молочная мерцает
Меж берегов судьбы моей.

Мерцает смутное сиянье
Над вечной тленностью земной.
Пустые створки мироздания
Разбиты тёмною волной.

Чернеют облака на небе.
Мутны подземные ключи.
Ищи их более, чем хлеба,
И слушай, но – молчи, молчи!

И осень лисьею повадкой
Вползает вновь в твои мечты.
Устав от спеси мутно-сладкой,
Природа ищет – простоты.

В бездонной пропасти мгновенья,
Где журавли кричат, скорбя,
Сильнее чувствуешь старенье.

Острее чувствуешь себя.

И сквозь мутящиеся воды
Ночных небес – звучит вдали
Песнь лебединая природы,
Песнь лебединая Земли.

И небеса все ниже, ниже.
Все злее ветра остриё.
И месяца обломок рыжий
Под сердце входит, как копьё...

Отечество снега

Отечество снега,
Российской суровости выюжной...
Боярские шубы снегов
В тёмных безднах полей...
До неба доносится
Шелест дубрав моих дружный.
До Бога доносятся
Крики моих журавлей.

Снега машут крыльями —
Ангелов белых подобья.
Блуждает сын блудный
В потемках заблудшей страны...
Как филины, избы,
Нахохлясь, глядят исподлобья.
И гроздь рябины,
Как речи Господни, темны...

...Взлетают снежинки,
Легки, словно Божье успенье.
И колокол ветра
Звенит своей медной губой...
На белом просторе
Мелькают белёсые тени.
И снег прибывает,

Как русского неба прибой.

Степь

Покой? Ищи его, как ветра в поле!
Отравленными стрелами горя,
Смешались здесь степей лихая воля
И воля Грозного царя.

И с этих пор земля моя двусерда —
С казачьим сердцем тюркское слилось,
И нет ему ни времени, ни смерти,
Ни горечи, ни слез.

Пересечение стрел – звенящей русской
И вольной, золотой степной стрелы —
Создало крест. Ему все храмы узки
И все жрецы – малы.

И мнится мне – опять, как в веке старом,
Лечу я в беспредельности земной,
И в небесах – созвездие Кентавра
Пылает надо мной.

На небе – степь, где кочевали звезды,
Под небом – степь, где скачет богатырь —
Вот древний мир, просторный, чистый, грозный,
Вот – вечная Сибирь!

Моя Сибириада

Под звёздным небом серебрится снег.
Легко течение воздушных рек.
Любая ель, что здесь в снегу стоит,
Прочней и выше древних пирамид.
Деревьев вековых высокий строй
Стоит Китайской царственной стеной.
И ветер в мир несёт благую весть:
Сибирь есть тяжесть, но она – не крест:
Страна моя, где нет добра без зла,
Как шапка Мономаха, тяжела.

Вдали молчат Атлант и Прометей:
Им нечем дорожить, кроме цепей.
И спит который век, который год
Над старым миром плоский небосвод.
Ему судьбой преподнесён урок:
Европа – рукоять, Сибирь – клинок!

В Сибири снег горяч, как молоко,
И кажется, что можно здесь легко
Небес коснуться, только не рукой —
Протянутой за счастьем строкой.
Здесь, лишь ветвей коснёшься ты в метель, —
Одним движеньем царственная ель
Снег сбрасывает с веток сгоряча,

Как будто шубу с царского плеча.
«Дарю тебе. Ты – бог иль богатырь?
Неси, коль сможешь. Тяжела Сибирь!»
Страна моя, где нет добра без зла,
Как шапка Мономаха, тяжела.

Здесь нет границ меж миром и войной.
Здесь нет тепла, нет лёгкости земной.
Но правда, что в земле затаена,
Растёт, растёт – без отдыха, без сна,
Чтоб обрести предсказанный свой рост —
Превыше неба, ангелов и звёзд.

Расти, расти над миром, над собой,
Над дружбой, что зовут у нас борьбой,
Над склоками царей, цариц, царьков,
Над пресной мудростью былых веков,
Над звоном поражений и побед
И над звездой, не видящей свой свет.
Блуждай, страдай, ищи себя в пути,
Но, вопреки всему, – расти, расти!..

Степной псалом

*И напевает ангел смерти
Степной псалом.
Олег Чертов*

Сибирская судьба

Мне велено тебя, моя судьба,
Встречать у пограничного столпа

Меж скифскими степями и тайгой,
Меж золотой пустыней и пургой,

В лукавых, луком согнутых краях,
Что Лукоморьем прозваны в веках,

Где в солнечном сплетении страны
Восток и Запад переплетены.

Звени, звено Сибирского пути!
До Океана вместе нам идти —

От петербургской царственной волны
К теньям китайской вековой стены,

Туда, туда, где вечный Океан
Нам мерой жизни и волненья дан,

Туда, где будет прервана судьба
Серебряным сверканием серпа...

Песня

Этой ночью, быть может, себе на беду,
Я проснусь под сияньем мятежной звезды,
Я из дома пойду к вековому пруду,
Чтоб услышать дыхание чёрной воды.

Тяжело оно, горько, дыханье воды,
Налита она болью ушедших веков...
Как в ночи под сияньем мятежной звезды
И шуршит, и шумит, и волнуется кровь!

Этим холодом поздним дышала душа
Над прудом, полным чёрной влюбленной водой,
Чтоб потом – прорасти стебельком камыша
Над страданием своим, над тоской, над бедой.

А большой небосвод – всё молчит и молчит,
Словно сверженный царь, словно изгнанный раб,
Но заплачет кулик, и мой слух задрожит,
Словно по тишине вдруг расходится рябь...

И толкует о чём-то пугливый камыш,
И вздыхает, вздыхает над чем-то вода...
Из краев, где от века – безбрежная тишь,
Нет свободных путей никому, никуда...

...Этой ночью, быть может, себе на беду,
Я проснусь под сияньем мятежной звезды,
Я из дома пойду к вековому пруду,
Чтоб услышать дыхание чёрной воды.

Вкус земляники

Зелень заполнила сад, прихватив даже неба кусочек,
Чаша пространства полна блеском и щебетом птиц.
Ягоды сочно алеют на лучезарной лужайке,
Алость зари в их крови землю насквозь проросла.
Ягоду пробую я, имени сочно лишая,
Чувствую сладостный вкус – спорят во рту жизнь
и смерть.

Там, где родятся слова, ягода плоть потеряет,
Душу иную найдёт, в теле не развоплотятся.
Жизнь – круговерть перемен, путь из утробы в утробу.
Но не ужасен сей путь, а вечно радостен нам.
Всё, что цветёт и растёт, увлажнено слёзной влагой
Тех, кто ушёл, кто с землёй слился и почву живит.
К нам обращают они речь в каждой ягоде новой:
Цвет превратился во вкус, вкус превратился в меня,
Я превращаюсь в стихи, в музыку, в блики рассвета...
Всё это – я, всё – во мне, Слово – в начале всего.
В музыке музыка, в запахе запах, а в цвете оттенок —
Ягода вкусом в сознание сочный рисует пейзаж.
Я говорю о плодах, вкусе и сочности жизни...
Дай же мне, Господи, сил воспеть его – вкус земляники.

Осень в Великой степи

Застыло небо над степной деревней,
Мозолистое, серое для глаз,
И чахлые осенние деревья
Творят в степи неслышный свой намаз.

А скоро – над неслыханным покоем
Пастушьи песни ветры запоют,
И тучи, словно овцы – к водопою,
К реке на горизонте припадут.

Река, река, налитая тоскою,
По берегам – лишь чахлые кусты, —
Тебя я помню молодой, лихою,
В весеннем половодье красоты.

Весна прошла. Иным великолепьем
Пронизан мир, безвыходно-степной.
Стоят миры над задремавшей степью.
Стоят века, придя на водопой.

И позабыта прежняя беспечность.
Стволы стоят, как старые штыки.
...А осень – это маленькая вечность
От нас – на расстоянии строки.

Степной гимн

...У моей страны, степной, широкой, —
Узкие, монгольские глаза,
Как плоды, созревшие до срока.
В них, темнея, бродят небеса.

Чёрный небосвод над белой степью
Впитан этим взором навсегда,
И чарует звёзд великолеплье,
И горчит иртышская вода.

Да, она, страна моя лихая,
В шубе из степных волшебных трав
Под небесной чернотой без края
У костра сидит, пиалу сжав.

Дух степей, полынный, горький, звонкий,
Настоялся, как в дому, в душе,
И горчит, щекочет ноздри тонко
В кочевых ночах на Иртыше.

Эти степи, дымчатые степи,
Кладезь трав, растений и камней,
Держат душу мне сильнее, чем цепи,
Держат память, словно на ремне.

Сто веков я мог бы здесь скитаться,
Оставляя в безбрежности следы...
Но пришлось со степью мне расстаться
Ради камня, ряби и воды.

В городе, как в каменной пустыне,
Я шепчу себе: «Терпи! Терпи!» —
Сохраняя веточку полыни,
Как частичку вековой степи.

Город Сон

«Город Сон над рекой Тишиной ...»

Город Сон над рекой Тишиной —
Наваждение жизни земной.

Он уснул от великих побед —
Город Сон, город Смех, город Свет.

Он во сне распростёрт и распят —
Город Сон, город Стон, город Ад.

И царит над землёй моей он —
Богатырский чудовищный сон,

И столетия длится она —
Тишина, Тишина, Тишина.

Но во гробе, чьё имя – Сибирь,
Спит – и дышит во сне богатырь.

Под бесстрашием мраморных плит
Каждый мускул страданием налит.

Полны силы уста и глаза...
Но проснуться, открыть их – нельзя.

И змеится река Тишина,
Без истока, без края, без дна.

И летит опаляющий свет
На мой город уже сотни лет.

Льется, льется, паля и горя,
На уснувшего богатыря.

Вокзал

И вновь среди ночных огней вокзала,
Среди сигнальных гаснущих звонков
В тебе растёт печаль, которой мало
Всех сёл, дорог, всех стран и городов.

А кажется, нет смерти! Есть дорога,
Которую ты должен одолеть,
Идти, бежать, молить благого Бога,
Чтоб дал Он сил, и петь, и петь, и петь...

Но на краю земли – всё то же небо,
И так же тихо падает листва,
И так же мягок свежий запах хлеба,
И поезд так же вновь уходит в Небыль,
Туда, где бесполезны все слова...

Уходит поезд. Но жива надежда
В твоей душе. Осталось – на коня
Свободно сесть, и мчаться вдаль, как прежде,
Когда ты весь исполнен был огня...

И путь – открыт. И конь твой скакает, скачет.
Вперёд! Вперёд! Без отдыха, без сна!
И в огненном зрачке коня маячат
Поля, деревья, скалы и луна,

И кажется – ещё не всё пропало,
И в небесах горит твоя звезда...
Но ты проснёшься. С тёмного вокзала
Во мрак твои уходят поезда...

Бесприданница

Татьяне Чертовой

Ночь... Морозы... Чёрные метели...
Пьяная, слепая высота...
За окном – шумят ветвями ели.
В старом доме – жар и теснота.

В старом доме жизни места мало.
Распахни окно – и снег в лицо!
Там, за два квартала, – гул вокзала,
Ночь, огни, трамвайное кольцо...

Небеса застелены, как фетром,
Собственной бездонной глубиной...
Под ногами вновь дрожит от ветра
Твердь земли, облитая луной.

Я иду, от яви в сон проснувшись,
По следам давно ушедших лет...
Фонари, как змеи, изогнувшись,
Смотрят узкими глазами вслед.

Изогнулся купол звёзд гигантский...
Это царство так знакомо нам:
Атаманский хутор. Храм Казанский.

Пушка, что глядит во тьме на храм.

Здесь от века всё, как в море, тихо...

Здесь не слышно голосов людей...

Где ты, счастье, где ты, Эвридика,

Горький свет живой души моей?

Там, где ты сейчас, поёт стихия,

Там, пронзая взорами эфир,

В чёрных небесах созвездье Змия

Смотрит на огромный, бурный мир.

И я слышу – где-то, в дальнем храме,

За слепым простором Иртыша,

За рекой, за ветром, за степями

Плачет бесприданница – душа.

Трамвай в рай

*Свернул трамвай на улицу Титова,
разбрызгивая по небу сирень...
Борис Рыжий.*

Свернул трамвай на улицу Серова,
По-старчески о ценах дребезжа.
...Традиция сия весьма сурова —
Путём трамвайным детство провожать.

Осенний день уныло неразборчив,
Как почерк оттрубившего врача.
Твой дом стоит в конце дороги точкой,
И листья шепелявят сгоряча,

Мне под ноги попавшись... Светка, Алка,
Подруги-одноклассницы, и ты —
Вы все осталось в прошлом... Как мне жалко
Его нерукотворной высоты!

Здесь мы бродили счастливо-стыдливо,
И я пил воду с твоего лица...
Но смысла этих пошлых слёз дождливых
Никто из нас не понял до конца.

...На улице – одни и те же лица.

Я в книжку их сложил бы все, любя...
Я не устал работать фиговидцем,
Я просто утомился от себя.

Но, сколько вы бумаги не марайте,
На подвиг вы один обречены:
Поэт, библиотекарь, копирайтер, —
Несчастные подкидыши страны.

...Осенний холодок. Бульвар Победы.
Слегка подштукатуренный закат.
На транспарантах – бабушки и деды,
Что воевали триста лет назад.

Над «сталинками» дождь слегка картавит.
Сентябрь надломлен, словно каравай.
Столетие, маня меня, лукавит,
Но я – не ваш. Трамвай уходит в рай.

Оплакивать зачем на пошлой флейте
И улицу, и город, и страну?...
Я не умру, не бойтесь, не надейтесь, —
Я на трамвае за угол сверну.

Сказка старого города

Распахнут вечер, слово двери в храм,
И, разбудить людей впотьмах не смея,
Дождь медленной походкой чародея
Идёт по парапетам и дворам.

Свернулся день, забывшись от забот,
Средневековым пожелтевшим свитком,
А зданье кирхи красною улиткой
Из раковины смотрит в небосвод.

Слова молитв из тишины аллей
Цветы, намокнув, шепчут полусонно,
И дремлют, как монахи в капюшонах,
Ряды пирамидальных тополей.

Не хочет храм пронзить простор крестом
И в небосводе прорубить оконце,
И круглый циферблат – замена солнца —
На колокольне щурится, как гном.

А в городе царит такая тишь!
Фонарь дежурит над рекою синей.
Несутся тучи стайкой бекасиной,
И набухает под дождём Иртыш.

И кажется – по-детски о мечте
Незримый кто-то шепчет мне, скучая...
Как сухари, размокшие от чая,
Дома и берег тонут в темноте.

Шум города заглушен плеском струй.
Луна висит, счастливая, как слива,
А в небе звезды первые пугливо,
Дрожа, ей шлют воздушный поцелуй.

Ветер и волна

(Иртышская набережная. Вечер. Одиночество)

Туманный берег. Сумерки любви.
Дождь пунктуально размечает плиты
На набережной. И почти забыты
Размолвки между мною и людьми.
Чем мы взрослей, тем чаще наяву
Мы ссоримся, как маленькие дети...
...Бессвязностью дождливых междометий
Описан мир, в котором я живу.

Незримая мне чувствуется связь
Меж ветром и волной, что нарастает.
Идёт прилив, и время прибывает,
О берег, как о тишину, дробясь.
А ветер, с пляжа в город восходя,
Стирает с сада времени отметки
И вписывает дрожь ольховой ветки
В тончайшую параболу дождя.

Я – ветер. Ты – волна. Смиришься ты,
Приливу неба уступив покорно.
Так сумерки втекают в зелень дёрна
Чернилами, что с неба разлиты.
И некий неизвестный миру бес

Играет связью неба с жизнью светской,
Стремясь отождествить рисунок детский
И звёздные каракули небес...

В чернилах – облака. Пустынен пляж.
Один ребёнок собирает камни.
Вернуть тебя... Познать себя... Куда мне!
Я – кто? Был – человек, а стал – пейзаж.
И в голову приходит лишь одно:
В разлуке, словно пёс, скулить негоже...

.....
Но звёздный холодок бежит по коже,
Когда Господь сквозь нас глядит на дно.

Сад Врубеля

...Тяжёлый август. Врубелевский сад.
Ключом скрипичным сплетшиеся ветки.
Высокий, словно в «Демоне», закат —
Не огненной, а каменной расцветки.
Здесь тихо, словно в море глубоко,
Лишь тишина волнуется, как воды,
И весело, и жутко, и легко
Бродить в зелёных сумерках свободы.

Береза дирижирует дождём.
Я слушаю его концерт – глазами.
Зелёный сумрак светится, и в нём
На чёрном пьедестале Врубель замер.
Сжимают холст худые кисти рук.
Глаза глядят куда-то вверх, над нами.
И в небо камнем улетает звук.
И небеса расходятся кругами.

Дрожит фонтана каменная митра.
Струя дождя, в фонтан вплетись скорей!
Здесь зелень, синь и серость на палитре —
Как сумрак неродившихся морей.
И, сколько б раз творец не умирал,
Он будет здесь – все осени и вёсны.
...Плывёт фрегат. И бледен адмирал.

И ветви сада движутся, как вёсла.

И в иероглиф вычурный сплелись,
Бушуя, ветви огненной расцветки.
Тоскует Демон. Но пустынна высь.
Пан держит флейту. Только песни редки.
Пророк глядит глазами пустоты,
И вновь сквозит в зрачках у Азраила
Безжалостность последней доброты,
Забывшей всё, что было... было... было...

И гений, умерев сто лет назад,
Незримо в парке, среди веток, замер —
И смотрит в кристаллический закат
Слепыми изумрудными глазами,
И осень рассыпается с небес
Кристаллами замедленного света,
В космическом хранилище чудес
Накопленного за большое лето,

И кажется, что мир наш не исчез...

Расшифровывая снег

Марине Улыбышевой

Шумит тревожно книжная листва.
Седая туча ликом схожа с Богом.
Зелёный накануне Покрова,
Просторный луг чуть шепчет о высоком
Слова, что пропадают в мураве,
Непонятые, как пустые бредни.
И в белом храме Спаса-на-траве
Космическая служится обедня.

Как этот луг, мы другу и врагу,
Свою печаль щепоткой веры сдобрив,
Прощаем всё – словесную пургу
И холод, непонятный, как апокриф.
В глазах у неродившихся небес
Стоят творцы, преданья и пророки...
И, словно кони, взмыленные строки
Взлетают небесам наперерез.

Поэты, словно травы, зелены.
Шепча свои зелёные молитвы,
Мы скрылись бы от вьюги, как от битвы,
Под сердцем засыпающей страны.
Мы скрылись бы во сне, как в синеве,

От обжигающе холодной яви...
Но мы изобретать себя не вправе.
Нас пишет небо – снегом на траве.

Пришелец из приснившихся веков,
Я прочитал бы луг, как сборник басен,
Но алфавит травы ещё неясен,
И литеры не знают смысла слов.
И я, апокрифичный человек,
Ища во всем закона, меры, цели,
Сверяю с книгой литеры метели,
Угрюмо расшифровываю снег.

Пейзаж такой обычный

Дорога серая, сибирская.
Две хаты. Снег. Вороны чёрные.
Да выюга – злая, богатырская...
Моя Россия беспризорная.

Над домом – дымом небо ранено.
Земля лопатами искрошена.
А у избы сверкает гранями
Бутылочный осколок прошлого.

И, как обрубки жизней прожитых,
Окурки в снег измятый брошены.
Покрыто свежее порошею
Судеб измолотое крошево.

И на развалины соседовы
Струится желчь седого месяца...
И не пытайся, не выводывай,
ЧТО изнутри, сжигая, бесится.

Город, город...

Вот город, где молчанье серых плит
Звучней, чем белый шёпот снегопада,
Где вывесок рекламных алфавит
Рогат и буен, как баранье стадо,

Где медленно ржавеет старый лес
И взоры у людей сухи, как порох...
Свинчаткой угрожающих небес
Судьба легла на серые просторы...

Почувствовав, что стала жизнь другой,
Ты смотришь вниз, как в чём-то виноватый,
И вновь лежит безмолвно под ногой
Земля, нагая, как Христос распятый...

А грянет буря – солнце прячет око,
И ты не хочешь счастья и чудес.
Из желобов железных водостоков
Стекает вяло ржавчина небес...

И жизнь течёт... А вот идти – не хочет.
Течёт, как струйка влаги – в глубину...
Угрюмые проходят дни и ночи,
Как воины с парада – на войну...

И хочется, не веря больше мигу,
Забыв пройденный одинокий путь,
Захлопнуть время, как плохую книгу,
И свежей, чистой вечности вдохнуть.

Сибирский ковчег

Снег да снег. Кусты во тьме застыли.
Исподлобья смотрят вдаль дома.
Словно жизнь, как пленку, засветили,
Словно время вдруг сошло с ума.

Примерзает взгляд к луне железной.
Мчатся бесы вдоль по мостовой.
Под небесной ледяною бездной
Я иду, промёрзший, сам не свой.

Этот час, наверно, тёмен слишком,
И в ночи дорога далека...
И зевает ветхое пальтишко,
И дрожит холодная рука.

Волчья злоба. Темнота. Морозы.
Предо мною путь – упрям и прям.
Переулки скалятся с угрозой,
Но себя я в жертву не отдам.

Ведь в домах, укрытых тёплой тенью,
Есть всё то, что недоступно нам:
Жизнь течёт по трубам отопления,
Дети спят, прижавшись к матерям...

И отрадно, слыша вьюги топот,
Выдыхая не ветра, а снег,
Видеть, как сквозь снежные потоны
Проплывает теплоты ковчег...

...Post skriptum

Пролетят лучистой пылью миги,
Все труды и дни житья-бытья.
Записью в конторской пыльной книге
Станет жизнь нелепая моя.

А коль спросят: как ты жил? – поэта?
Жил, дурил, влюблялся... ну, как все.
Время металлического цвета
Пролетало мимо по шоссе.

Строил планы. Измерял маршруты.
Был порой от злобы – сам не свой.
Верил. Гулливерил. Лилипутил.
Но в конце – остался сам собой.

В небе был всесильным, как молитва.
На земле – бессильным, словно бог.
Строчкой, безопасною, как бритва,
Ни поранить, ни спасти не мог.

От цветов всего земного спектра
Не осталось в жизни ни черта...
...Только дождь на Любинском проспекте,
Только синева и пустота.

Только ложь и невозможность встречи,
Только тёмный, мокрый город мой,
Только дождь, унылый, древний, вечный,
Под которым я бреду домой —

И во тьме навзрыд срываю нервы,
Полный слёз, как влаги – решето,
Детскими глазами глядя в небо
И шепча: за что?
За что?
За что?

Листая память

«Я листал, словно старый альбом...»

Я листал, словно старый альбом,
Память, где на седых фотоснимках
Старый мир, старый сад, старый дом, —
Прошлый век с настоящим в обнимку.

Деды-дети, мальчишки, друзья,
Что глядят с фотографий бумажных, —
Позабить вас, конечно, нельзя,
Помнить — трудно, и горько, и страшно...

Вы несли свою жизнь на весу,
Вы ушли, — хоть неспешно, но быстро.
Не для вас стонет птица в лесу,
Не для вас шелестят ночью листья.

И, застыв, словно в свой смертный час,
Перед камерой, в прошлой России,
Вы глядите с улыбкой на нас —
Дурачки, скоморохи, родные!

Не спасло вас... ничто не спасло:

Земли, сабли, рубли... всё пропало.
Вероятно, добро – это зло,
Что быть злом отчего-то устало.

Что ж, пора отдохнуть. Жизнь прошла.
Спите, прожитых лет не жалея.
Лёгок сон... а земля – тяжела.
Только жизнь может быть тяжелее.

К вопросу о происхождении человека

Поэтический комментарий к Дарвину

Стихли в небе орлиные клики.
Мир дрожал, как в последний свой миг...
Кроманьонец, усталый и дикий,
С палкой вышел из дебрей лесных.

Он смотрел на луну первозданно,
Допотопно, пещерно и зло...
И в мозгу у него окаянно
Что-то мучилось, зрело, росло...

Поднимались дворцы и колонны,
Восставали над миром цари,
Римы, Лондоны и Вавилоны
Каменели в сиянье зари...

Кроманьонец стоял, тихо ахал
И слезу мокрой лапой стирал...
Только мамонт – впервые без страха —
На него из чащобы взирал.

А в душе у лесного бродяги
Под неведомый атомный скрип
В первозданном тумане и влаге

Поднимался чудовищный гриб...

Эдды, Библии, кодексы веры
Зарождались в лучистой пыли...
И в узорах на стенах пещеры
Прорастали эскизы Дали...

И молчали тревожно пещеры,
Предвкушая, как скоро, горя,
Над столицами атомной эры
Мезозойская встанет заря.

Аввакуму

Сибирь с огромными пространствами,
В слепых снегах, в кровавых росах,
Прошел пророком ты, пространствовал,
Опершись на кедровый посох.

Ты шёл. Ты мерил землю мерою,
Какой и неба было мало.
Перед тобой упрямо щерилась
Россия чёрным ртом Байкала...

Ты видел льды, что век не движутся,
И трав Даурии убранство...
Ты изучил с азов до ижицы
Уроки русского пространства.

Сквозь льды Байкала, дебри тарские
Ты рвался правдою смертельной
И гордо нёс в хоромы царские
Лукавство прямоты предельной.

И обжигают нас пока ещё
И делают прямей и чище
Твой говор, слог, огнём пылающий,
И огненное пепелище...

И, как в развязке древней повести,
Достались мне – сквозь поколения —
Грехи твоей упрямой совести,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.